

ЦАКАЛИДИ Т. Г.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД НЕГАТИВНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ
В ДРЕВНЕЙШЕМ СЛАВЯНСКОМ ПАМЯТНИКЕ
ТРАДИЦИОННОГО СОДЕРЖАНИЯ

Проблемы, связанные с отрицанием, давно привлекают внимание исследователей. На материале русского и других славянских языков в связи с их историей наряду с вопросами частного и общего отрицания, употребления родительного и винительного падежей со значением объекта при отрицании и другими значительное внимание уделялось и уделяется проблеме двойного и одиночного отрицания¹.

Для решения названной проблемы привлекались и данные древнеславянских переводов Нового завета. В истории славянских языков среди памятников традиционного содержания Евангелие занимает особое место. Многочисленные списки его представляют большой интерес с лингвистической точки зрения, так как дают представление сразу о двух языковых системах — языке оригинала и переводящем языке, а также позволяют судить о лексических, грамматических особенностях древнеславянского языка², о его синтаксическом строе.

Специальных работ по синтаксису евангельских текстов, посвященных отрицательным конструкциям, нет. Однако ряд ценных наблюдений содержат труды Г. А. Воскресенского [3], В. Вондрака [4], Н. Горалка [5], Н. А. Мещерского [6] и других ученых-славистов. На них мы и опирались в своих изысканиях. Значительную помощь нам оказали труды Л. П. Жуковской [7] и Е. М. Верещагина [8], в которых Евангелие анализируется с точки зрения текстологических особенностей и собственно языковых закономерностей, определяемых как следствие техники древних переводов.

Общеизвестно, что отличительной особенностью современных славянских языков является полинегативность. Значительное же своеобразие прошлого представляют монологативные построения. В нашу задачу и входит рассмотрение общеотрицательных предложений монологативного и полинегативного типов, извлеченных методом сплошной выборки из древнейших славянских списков Евангелия.

Под монологативными конструкциями мы понимаем предложения такого типа, в которых отрицание при сказуемом отсутствует, а общее отрицательное значение выражается отрицательными местоимениями и наречиями, частицей *ни*, союзом *ни...ни*. Например: *Никѣтоже възьметъ ея отъ мене...* (Зогр., Ио. X, 18); *...ни мене вѣсте ни ѿца моего* (Зогр., Ио. VIII, 19)³. По отношению к этому языковому явлению в лингвистической литературе применяются термины «одиночное отрицание», «оборот с одним или одиноком отрицанием».

Термином *п о л и н е г а т и в н ы е* конструкции мы называем такие предложения, в которых, кроме указанных элементов отрицания, имеется и отрицание при сказуемом. Например: *Ба никѣтоже не видѣ николиже*

¹ См. работы Ф. И. Буслаева, Ф. Миклошича, В. И. Чернышева, Л. А. Булаховского, В. И. Борковского и др.

² В понимании термина «древнеславянский» мы следуем за Н. И. Толстым [1] и Н. А. Мещерским [2].

³ Орфография приводимых здесь и далее примеров упрощается, т. к. не имеет существенного значения в работе синтаксического характера.

(Зогр., Ио. I, 18). По отношению к этому языковому явлению широко распространены такие термины, как «двойное отрицание», «удвоение отрицания», «дополнительное отрицание»⁴.

Эти структуры достаточно полно представлены в текстах Нового завета. Для анализа избраны списки первой и второй редакций славянского перевода Евангелия⁵: Галицкое ев. 1144 г., Остромирово ев. 1056—1057 гг. и все старославянские списки (I редакция — «древнейшая югославянская») [9—14]; Мстиславово ев. начала XII в., Добрилово ев. 1164 г., Милятино ев. XII в. и рукопись ГБЛ из собрания Румянцева № 104 XII в. (II редакция — «древняя русская») ⁶. Именно списки этих двух редакций содержат наиболее ценный материал для изучения древнейшего периода истории славянских языков.

В настоящей статье мы хотели бы поделиться некоторыми наблюдениями над средствами выражения общего отрицательного значения в евангельских текстах и результатами сопоставления списков названных редакций между собой и с греческим текстом [15].

Сплошная выборка общеотрицательных конструкций дала довольно обширный материал, который в статье не может быть представлен в полном объеме. Для анализа избираем чтения евангелия от Матфея и Марка, представленные в апракосах в цикле от пятидесятницы до нового лета. Это даст возможность сопоставить отдельно чтения на субботу и воскресенье, которые, по мнению ученых, занимающихся проблемами первых переводов, восходят, видимо, к первому переводу Константина-Кирилла Философа, и чтения на остальные дни недели, отсутствовавшие в первоначальном кратком апракосе⁷.

Среди разнообразных книг, обладающих специфическим набором текстов Евангелия, Л. П. Жуковская выделяет полный апракос, в котором особенности кирилловского перевода краткоапракосных чтений сочетаются с более поздними по происхождению особенностями полноапракосных чтений и многочисленными наслоениями последующих переводов и редакций [17]. Именно поэтому за основной текст при сопоставлении мы приняли полный апракос и примеры приводим по Мстиславоу евангелию, тем более, что материал древнерусских апракосов при решении вопросов, связанных с отрицанием, до сих пор не использовался.

В чтениях на субботу и воскресенье в цикле от пятидесятницы до нового лета мы выделили 14 общеотрицательных конструкций мононегативного и полинегативного типов. Рассмотрим отдельно каждый тип.

И. М о н о н е г а т и в н ы е к о н с т р у к ц и и.

Мф. XIX, 17:... *никтоже* бла҃гъ тѣмко еди́нь бѣ (Мст., л. 56, вс. 12 по пд.). Общее отрицательное значение выражено отрицательным местоимением, которое и является в предложении обобщающим отрицательным компонентом. Структура соответствует греческой:... οὐδείς ἀγαθός εἰ μὴ εἷς ὁ θεός. Мф. IX, 33: *николиже* тако квиса въ издраили (Мст., л. 43об, вс. 7 по пд.). Конструкция с обобщающим отрицательным наречием, тождественная греческой: Οὐδέποτε ἐφάνη οὕτως ἐν τῷ Ἰδραήλ. Мф. VI, 29:... *ни соломонъ* въ всеи слаѣ своѣи облѣчеся. кѣко еди́нь от сихъ (Мст., л. 34, вс. 3 по пд.). В этом предложении проявилось яркое отрицательное и усилительное значение частицы *ни*, негативной силы которой оказалось достаточно для того, чтобы вся синтаксическая структура

⁴ В отрицательном предложении может быть более двух элементов отрицания, поэтому считаем наиболее приемлемым термин «полинегативные конструкции». К тому же термин «двойное отрицание» двусмыслен, так как некоторые исследователи называют им и явление «отрицание отрицания».

⁵ О редакциях славянского перевода Евангелия см. [3; 7, с. 112—128].

⁶ Работа проводилась по фотографиям Мстиславова ев., Добрилово ев. и рукописи из собр. Румянцева № 104, а также по микрофильму Милятино ев.

⁷ О последовательности переводов евангельских текстов на славянский язык см. [16; 8, с. 14—16].

с ее предикативным отношением воспринималась с отрицательным знаком. Сочетание *ни* с существительным в роли подлежащего представляет собой своеобразный обобщающий отрицательный компонент. В греческом тексте находим ту же монологативную структуру:... οὐδὲ Σολομὼν ἐν πάσῃ τῇ δεξιῇ αὐτοῦ περιβάλετο ὡς ἐν τοῦτων. Мф. VIII, 10:... *ни въ израили* толики вѣры обрѣтохомъ (Мст., л. 36об, вс. 4 по пд.). В роли своеобразного обобщающего компонента с отрицательным значением выступает сочетание *ни* с существительным, являющимся в предложении обстоятельством места. В Зогр. и Марн. представлено полинегативное построение с отрицанием при сказуемом — *не обрѣтъ*, в остальных текстах предложение с одним отрицанием, как и в греческом тексте:... οὐδὲ ἐν τῷ Ἰσραὴλ τοσαύτην πίστιν εἶρον. Мф. VI, 24: *никыи же рабъ* может двѣма господинома работати... (Мст., л. 34, вс. 3 по пд.). В Асс. и Зогр. представлена полинегативная модель. В греческом тексте читаем: Οὐδεὶς δύναται διὰ ἑαυτοῦ δουλεύειν... Отрицательное местоимение οὐδεὶς при переводе заменяется сочетанием отрицательного местоимения *никы* с существительным *рабъ*, являющимся также обобщающим по своему значению компонентом. Перед нами пример дополнения источника, введения поясняющего слова⁸. Приведем для сравнения это же чтение по рукописи Константинопольского ев. 1383 г. — *никтоже* бо может двѣма господинома работати... (л. 14об). Как видим, пояснения нет, полное соответствие греческому источнику. Введение поясняющего слова, однако, не изменяет организации отрицательного предложения, оно остается монологативным. Мф. XXI, 42 — пример разнотчтения по спискам. Во всех полных апракосах представлена монологативная конструкция с обобщающим отрицательным наречием — *николиже* почитаете въ писании... (Мст., л. 58, вс. 13 по пд.), тождественная греческому предложению: Οὐδέποτε ἀνέγνωτε ἐν ταῖς γραφαῖς... В Асс., Остр. и в тетрах встречаем конструкцию с отрицанием и при сказуемом — *нѣсте* ли чьли *николиже* въ кѣнигахъ... (Остр., л. 79). В Сав. — только прилагательное отрицание: *нѣсте* ли чьли въ кѣнигахъ... (л. 46об).

Анализируя примеры монологативного типа, нетрудно заметить, что отрицание при сказуемом отсутствует в том случае, если сказуемое находится в позиции по отношению к обобщающему отрицательному компоненту. Славянские моноструктуры тождественны греческим.

II. Полинегативные построения.

Мф. VIII, 4: *вижъ никому же не повѣжъ*... (Мст., л. 34, сб. 3 по пд.). — 'Ορα μηδεὶν εἰπεῖν... Подобные предложения с отрицательным местоимением и отрицанием при сказуемом содержат следующие чтения: Мф. IX, 30 (Мст., л. 43об, вс. 7 по пд.), Мф. XXIV, 4 (Мст., л. 63об, сб. 15 по пд.) и Мф. XXIV, 36 (Мст., л. 66, сб. 16 по пд.). Все эти конструкции являются переделкой греческих монологативных предложений. Мф. VIII, 28:... *яко не можааше никтоже* минути поутѣмъ тѣмъ (Мст., л. 38об, вс. 5 по пд.). В греческом тексте находим предложение с прилагательным отрицанием и неопределенным местоимением: ... ὥστε μὴ ἰσχύειν τινὲς παρελθεῖν διὰ τῆς ὀδοῦ ἐκεῖνης. Такие конструкции характерны для греческого языка, в славянском им обычно соответствуют предложения с отрицательными местоимениями. Однако встретилось и такое предложение, в котором в славянском тексте употреблено неопределенное местоимение *кто* в соответствии с греческим τινίς. Интересно, что оно представляет собой вторую часть сложного синтаксического целого с двумя негативными частями. В то время как первая часть является переделкой греческой монологативной структуры, вторая полностью соответствует греческому тексту: Мф. XXII, 46: *и никтоже не можааше* юмоу отъвѣщати словесе. *ни смѣъ, кто* отъ дни того. въпросити юго к тому (Мст., л. 64, вс. 15

⁸ Е. М. Верещагин подобные элементы переведенного текста называет персональными, т. к. варьирование нельзя возвести ни к роли исходного текста, ни к влиянию переводящего языка (варьирование в плане содержания) [см. 18].

по пд.) — Καὶ οὐδεὶς ἐδύνατο ἀποκριθῆναι αὐτῷ λόγον, οὐδὲ ἐτόλμησέν τις ἀπ' ἐκείνης τῆς ἡμέρας ἐπερωτῆσαι αὐτὸν οὐδέ τι. Такое чтение Мф. XXII, 46 проходит через все славянские списки. Только в Сав. представлена в значительной степени отличная конструкция: и *никтоже* емоу можаше отъвѣщати слово. и *ни* съмѣшаше *никтоже* отъ того дне. въпросити его *никогдаже* (л. 47об). Первая часть — мононегативная структура, соответствующая греческой, а вторая — полинегативная с двумя обобщающими отрицаниями, что в значительной степени усиливает общее отрицательное значение. Введение дополнительного отрицательного наречия с обобщенно-временным значением исключающего характера скорее всего можно объяснить творческим осмыслением переводимого текста.

Остановимся еще на одном интересном примере — Мф. XVII, 21. В рукописях Мил., Рум.-104 и Сав. находим предложение полинегативного типа с обобщающим отрицательным местоимением: ... родъ же съ *ничимъ* же *не* исходить. тъкъмо млтвою и постъмъ (Мил., л. 47, вс. 10 по пд.). Остальные же славянские списки Евангелия дают конструкцию только с приглагольным отрицанием: ... родъ же съ *не* исходить... (Мст., л. 50об, вс. 10 по пд.), что находит соответствие в греческом тексте (изменен порядок слов): ... τοῦτο δὲ τὸ γένος οὐκ ἐκπορεύεται... .

Подобное разночтение, на наш взгляд, может быть объяснено либо активным отношением переводчиков к греческому тексту, либо возможными разночтениями в греческих списках. В использованных нами изданиях греческого кодекса разночтения не отражены⁹. Но мы имеем примеры, когда варьирование отрицательных конструкций в славянских списках обусловлено различиями в греческих текстах. Приведем один из них — Лк. XVIII, 4. В Сав., Зогр., Марн. и Галц. читаем: аще и *ба* не боъ са. и *члкъ* не срамаъ са... (Сав., л. 64об). В Асс. и Остр. — аще и *ба* не боъса. *ни* члвкъ срамлѣкса... (Асс., л. 66d; Остр., л. 114об). Интересно, что в критическом издании К. Аланда и др. приводится только один вариант чтения: Εἰ καὶ τὸν θεὸν οὐ φοβούμεν οὐδὲ ἄνθρωπον ἐντρέπομεν... . Вариант же, соответствующий чтению Сав., находим у Амфилохия и в использованном нами некритическом издании греческого текста.

Во всех приведенных предложениях полинегативного типа обобщающее отрицание находится в препозиции по отношению к сказуемому. В греческом языке в этом случае возможна только моноструктура. Однако полинегативный тип отрицательных предложений был свойственен и греческому языку. В языке греческого Евангелия он довольно распространен. Правда, употребление полинегативных моделей ограничено позицией глагольного и обобщающего отрицаний: они возможны только в случае, если простое отрицание стоит впереди, а обобщающее следует за ним¹⁰. Например: Мф. XXII, 16: ... и *не* радиши *ни* о коемъ же... (Мст., л. 57об, сб. 13 по пд.) В греческом та же полинегативная конструкция: ...καὶ οὐ μέλει σοι περὶ οὐδενός... .

Рассмотрев даже ограниченную часть примеров, мы могли убедиться в том, что в новозаветных текстах употребительны как полинегативные, так и мононегативные конструкции. Выделим основные мононегативные модели, представленные в приведенных примерах¹¹. I модель — конструкции с обобщающим отрицательным компонентом, выраженным отрицательными местоимениями и наречиями; II модель — конструкции со своеобразным обобщающим отрицательным компонентом, выраженным словосочетаниями частицы *ни* со словами, при которых она употреблена, и союзом *ни...ни* с однородными членами. Из полинегативных моделей в наших примерах представлена только I, соотносительная с мононегативной, имеющая отрицание и при сказуемом.

⁹ Текст сверялся также с греческим кодексом 835 г., использованным Амфилохием при издании Галицкого ев., и некритическим изданием Нового завета [19].

¹⁰ Об особенностях построения греческих отрицательных предложений см. [20].

¹¹ В основу положена классификация Л. В. Савельевой [21].

Текст	Мст.	Дбл.	Мил.	Рум.-104	Асс.	Сав.	Остр.	Зогр.	Марн.	Галц.	Греч.
Мф.											
VI, 24	—	—	—	o	+	—	—	+	—	—	—
VI, 29	—	—	—	o	—	—	—	—	—	—	—
VIII, 4	+	+	+	o	+	+	+	+	+	+	—
VIII, 10	—	—	—	o	—	—	—	—	—	—	—
VIII, 28	+	+	+	o	+	+	+	+	+	+	г
IX, 30	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	—
IX, 33	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
XVII, 24	г	г	+	+	г	+	г	o	г	г	г
XIX, 17	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
XXI, 42	—	—	—	—	+	г	—	+	+	+	—
XXII, 46	+/-г	+/-г	+/-г	+/-г	+/-г	-/+	+/-г	+/-г	+/-г	+/-г	-/-г
XXIV, 4	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	—
XXIV, 36	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	—

Для того, чтобы результаты сопоставления славянских списков Евангелия между собой и с греческим текстом представить более наглядно, предлагаю табл. 1, где: полинегативная структура (+); мононегативная (—); г — приглагольное отрицание; +/-, -/- и т. п. — конструкции в структуре сложного синтаксического целого с негативными частями; o — отсутствие чтения по какой-либо причине.

В таблице учтены только те случаи, когда возможно варьирование типов негативных конструкций, т. е. преимущественно с постпозицией сказуемого. Если же сказуемое предшествует словам с *ни*, отрицание при нем употребляется достаточно регулярно и все славянские тексты дают идентичные полинегативные построения, в большинстве своем соответствующие греческим.

Если учесть, что чтения на субботы и воскресенья восходят к первоначальному краткому апракосу, то можно говорить о том, что уже в первом переводе Евангелия на славянский язык наблюдалось сосуществование обоих типов отрицательных конструкций. Употребляясь в качестве синонимов, они варьируются, что, на наш взгляд, подтверждает предположение Е. М. Верецагина о том, что варьирование конструкций, как и лексическое варьирование, представляет собой свойство переводческой техники первоучителей славян [22].

Итак, на месте греческих предложений с одним отрицанием в славянских текстах употребительны оба типа отрицательных конструкций. Тем интереснее тот факт, что переводчики во многих случаях избирают, а переписчики сохраняют один и тот же способ передачи отрицания в параллельных чтениях. Если мы рассмотрим отдельно списки разных типов Евангелия, то увидим, что из 13 отрицательных предложений в кратких апракосах 9 (69%) совпадают по своей структуре во всех списках (заметим, что Сав. противостоит Асс. и Остр.), в тетрах — 11 идентичных отрицательных конструкций (84%), в полных апракосах — 12 (92%). Как видим, очевидной зависимости в употреблении типа общеприцательных конструкций от извода (например, Зогр. и Марн. не противопоставлены Галц., Асс. — Остр.), класса (имеем в виду полные апракосы) нет. Не ощущается явной зависимости и от редакции рукописей. Если сопоставим списки обеих редакций всех типов Евангелия, то убедимся, что и в этом случае большая часть чтений (8 из 13) представляет тождественные структуры.

В относительном единообразии славянских списков Евангелия в использовании типов негативных конструкций мы склонны видеть проявление определенной традиции, восходящей, вероятно, к протографу,

Текст	Мст.	Дбл.	Мил.	Рум.-104	Зогр.	Марн.	Галц.	Асс.	Сав.	Остр.	Греч.
Мф.											
V, 36	—	—	—	o	—	—	—	o	o	o	—
VII, 23	—	—	—	o	—	—	—	o	o	o	—
IX, 16	+	+	+	o	o	+	+	o	o	o	—
X, 26	+	+	—	o	—	+	+	—	o	—	—
X, 29	г	г	—	o	г	+	+	—	o	+	г
XI, 27	+/-	+/-	+/-	o	+/-	+/-	+/-	-/-	+/-	+/-	-/-
XIII, 34	+	+	+	o	—	—	—	o	o	o	—
XVI, 20	+	+	+	+	—	+	+	o	o	o	—
XX, 7	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	—
XXI, 19											
a)	+	+	+	+	+	+	+	o	o	o	—
b)	+	+	+	+	+	+	+	o	o	o	—
XXI, 27	—	—	—	—	—	—	—	o	o	o	—
Мк.											
II, 21	+	—	г	+	+	+	+	o	o	o	—
II, 22	+	—	+	+	+	+	+	o	o	o	—
III, 27	+	+	+	+	+	+	+	o	o	o	—*
IV, 22	+	+	+	+	+	+	+	o	o	o	г
V, 3	+	—	+	+	+	+	+	o	o	o	—
V, 26	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
V, 43	+	+	+	+	+	+	+	o	o	o	—
VI, 8	+	+	+	—	+	+	+	o	o	—	—

* Греческая параллель приведена по [9] (соответствует порядку слов в славянских списках, в [15] разночтения не отражены).

в соответствии с которой и сохраняется способ передачи отрицания в одних и тех же чтениях. Абсолютного единообразия и не может быть. Как бы сильна традиция ни была, многовековая судьба памятника не могла не сказаться. Необходимо учитывать многовековое бытование Евангелия на различных территориях, многократные переписки текстов в составе разных книг (краткого апракоса, тетра, полного апракоса), работу сотен писцов. С одной стороны, на выбор типа отрицательного предложения в каждом конкретном чтении влияет традиция (и она ощутима), а с другой — возможность синонимического употребления типов отрицательных конструкций, большая употребительность того или иного способа выражения отрицания в живом разговорном языке ведут к варьированию структур (возможны и случайные пропуски, опiski).

Рассмотрим отрывок Мф. VI. 24, который Л. П. Жуковская приводит по всем доступным рукописям полного апракоса до конца XIV в. и по важнейшим тетрам и кратким апракосам [7, с. 31—60]. Материал демонстрирует многочисленные фонетические, лексические, грамматические расхождения рукописей. На этом фоне ярче проступает относительное единообразие структуры отрицательного предложения: из 144 списков (мы не учитывали данные тетров, написанных в период так называемого второго южнославянского влияния) чтение Мф. VI, 24 в 121 списке представляет собой мононегативную структуру. Представлена мононегативная модель с отрицательным местоимением а) в роли определения — *ни кы й же рабъ можетъ...* и б) в роли подлежащего — *никто же можетъ...* Конструкция с введением дополнительного слова *рабъ* и местоимением в роли определения свойственна древнейшим славянским текстам, она и прослеживается в большинстве списков (77 из 121).

Мы анализировали чтения, восходящие к первоначальному краткому апракосу. Теперь же рассмотрим чтения, восходящие к переводу так называемых комплекторных частей, дополнявших апракос Кирилла до тет-

ра. Они представлены в полных апракосах в цикле от пятидесятницы до нового лета на остальные дни недели (с понедельника по пятницу). Часть из них представлена в месяцеслове краткого апракоса и могла быть переписана непосредственно из краткого апракоса, поэтому для сопоставления привлекаем списки трех типов Евангелия. Не имея возможности описывать каждый пример, предлагаем еще одну табл. с теми же условными обозначениями.

Материал и этой таблицы в целом свидетельствует об относительном единообразии славянских списков Евангелия в использовании типов отрицательных конструкций в параллельных чтениях. Более близки между собой списки одного и того же типа Евангелия: в тетрах из 20 предложений 17 во всех текстах идентичны по своей синтаксической структуре (имеем в виду способ выражения отрицания), в полных апракосах — 13. При сопоставлении списков обоих типов возрастает число различающихся текстов, совпадают по своей структуре во всех списках 11 чтений. Если учесть данные кратких апракосов, то число единообразных чтений сократится до 10. Заметим, однако, что пять чтений имеют различия только в одном списке. Интересно, что в трех чтениях Дбл. (Мк. II, 21—22 и V, 3) находим монологические конструкции на месте полинегативных во всех остальных текстах. Приведенные данные еще раз свидетельствуют о том, что как ни сильна традиция, она не может исключить элементов варьирования типов отрицательных конструкций (сказывается своеобразная судьба каждого текста), однако преобладающее влияние традиции очевидно.

Конечно же, предположение о существовании традиции в употреблении типов негативных конструкций нуждается в подкреплении большим количеством примеров. Наиболее «чистым» выводом способствует привлечение максимального количества списков, т. к. с возрастанием числа списков памятника может возрастать и число вариантов. Не располагая таким материалом, мы можем воспользоваться текстом евангелия от Марка, изданным Г. А. Воскресенским с разночтениями из 108 рукописей Евангелия XI—XVI вв. [23]. За основные тексты I и II редакций приняты Галц. и Мст. К ним приводятся разночтения из 95 рукописей. Были проанализированы предложения, в которых возможны оба способа выражения отрицания (по нашим подсчетам их оказалось 39). Результаты совпадают с уже полученными ранее: большинство чтений, а именно 24, по всем спискам дают идентичные отрицательные конструкции. Причем из числа единообразных были исключены даже те чтения, которые только в одном списке имеют иной способ выражения отрицания. Приведенный материал подтверждает наше мнение об относительном единообразии славянских списков Евангелия в использовании негативных конструкций в параллельных чтениях и поддерживает предположение о существовании традиции при их употреблении, восходящей, вероятно, к первому переводу и последующим доработкам (полному переводу или редактированиям) разных типов Евангелия. В этой связи показателен еще один интересный пример. В ев. от Ио. XII, 19 в Асс., Остр. и во всех тетрах (в Сав. текст не представлен) читаем: видите *никаже* польза есть (Зогр.; в Марн. — ... *никакоже* польза...). Реализована I монологическая модель. Примечательно, что ею передается греческая полинегативная (!) структура: $\Theta\alpha\rho\sigma\epsilon\iota\tau\epsilon\ \delta\tau\iota\ \circ\upsilon\ \chi\ \omega\phi\epsilon\lambda\epsilon\iota\tau\epsilon\ \circ\upsilon\delta\epsilon\upsilon$. Глагол $\omega\phi\epsilon\lambda\epsilon\omega$ означает «помогаю, приношу пользу». Таким образом, содержание греческого предложения передано верно, хотя структура его изменена. Следует отметить, что именно это чтение в дальнейшем закрепляется и в текстах четвертой редакции, как в рукописных (см., например, Конст., л. 245), так и в изданных (например, Московское ев. 1668 г., л. 392об). В Чудовском же Новом завете (XIV в., III редакция), отличающемся стремлением к буквализму, в соответствии с греческим находим полинегативную конструкцию... *ка̑ не оупѣте ничто̑* (л. 48а).

Интересные данные в связи с затрагиваемой проблемой содержат повторяющиеся чтения в полных апракосах. Они требуют специального исследования, что сделать в рамках настоящей статьи не представляется возможным, поэтому ограничимся указанием на важность этого материала.

Факт преобладания полинегативных построений в древнейших славянских списках Евангелия над монологативными отмечается многими исследователями и объясняется тем, что при вообще дословной передаче подлинника соблюдаются требования славянского синтаксиса [см., например, 3, с. 186—188 и 6, с. 89]. Конструкции же с одним отрицанием признаются чуждыми славянскому языку. По мнению многих ученых, они представляют собой кальку греческих монологативных предложений [см. 24, с. 523; 25, с. 17; 26]. Тождество монологативных предложений в греческих и славянских списках Евангелия, действительно, наблюдается регулярно и не может быть объяснено случайностью совпадений. Но имеется немало примеров полинегативных конструкций, свойственных как славянским так и греческим евангельским текстам. Работ, в которых акцентировалось бы внимание на этом явлении, нам не встречалось. По нашим предварительным подсчетам, в Зографском ев. из 128 полинегативных конструкций 43 (33%) соответствуют греческим полинегативным структурам. Следует ли из этого, что и они являются калькой греческих предложений? В этой связи значительный интерес представляют выводы Е. М. Верещагина. Им предпринята попытка найти объяснение факту последовательного совпадения синтаксических структур греческих и славянских фраз. Разительное совпадение структур, по мнению ученого, объясняется «не воздействием одного языка на другой, не синтаксическим калькированием, а тем важным психолингвистическим фактом, согласно которому при двуязычии некоторые языковые модели обеспечивают производство речи на двух языках» [8, с. 160]. Нельзя не согласиться и с таким заключением: «...по отношению к славянским евангельским текстам выявление калек невозможно, ему препятствуют методологические соображения — язык евангельских текстов нельзя сравнить с древнеславянским языком докирилло-мефодиевской эпохи» [8, с. 171]. Итак, судить об исконном или заимствованном характере отрицательных конструкций только по данным славянских списков Евангелия достаточных оснований нет. Однако мы считаем возможным решение проблемы происхождения названных конструкций, но для этого необходимо наряду с данными евангельских текстов использовать показания других памятников древнерусской и старорусской письменности (особенно памятников, отражающих разговорный язык), материалы современных русских говоров, других славянских языков¹². Но это уже вопрос, требующий специального рассмотрения.

Подведем итог изложенному.

1) Проанализированный материал подтверждает существующее мнение, согласно которому в древнейших славянских списках Евангелия наблюдается сосуществование и борьба двух типов выражения общего отрицательного значения и что полинегативные конструкции преобладают над монологативными. Материал свидетельствует и о том, что предложения с одним отрицанием достаточно употребительны. Разнообразные монологативные модели последовательно и довольно умело используются славянскими переводчиками и переписчиками.

2) Языку греческого Евангелия также свойственны оба способа выражения отрицания. Употребление предложений полинегативного типа ограничивается позицией обобщающего отрицательного члена по отношению к сказуемому, тем не менее они достаточно распространены. В греческих и славянских списках Евангелия употребляются тождественные не только монологативные, но и полинегативные модели.

¹² В связи с проблемой происхождения славянских отрицательных конструкций интерес представляют выводы В. И. Борковского [27, с. 319—323].

3) Анализ общеотрицательных предложений в чтениях на субботу и воскресенья в цикле от пятидесятницы до нового лета, восходящих к первоначальному краткому апракосу, убеждает в том, что уже в первом переводе Евангелия на славянский язык в качестве синонимических использовались оба типа отрицательных конструкций: полинегативный и монологативный. Так как они употреблялись на месте однотипных греческих предложений с одним отрицанием, можно говорить о варьировании отрицательных конструкций как о свойстве переводческой техники первоучителей славян.

4) Результаты сопоставления славянских списков Евангелия свидетельствуют о том, что в одних и тех же чтениях переводчики во многих случаях избирают, а переписчики сохраняют один и тот же способ передачи отрицания, причем не ощущается значительной зависимости от редакции, извода, типа Евангелия. Относительное единообразие славянских евангельских текстов в использовании типов отрицательных конструкций в параллельных чтениях может быть объяснено преобладающим влиянием традиции, восходящей, по-видимому, к первому переводу и последующим доработкам (полному переводу или редактированиям) разных типов Евангелия.

5) Выявление синтаксических калек по отношению к славянским евангельским текстам не представляется возможным. Совпадение же отрицательных структур в греческих и славянских рукописях могло обеспечиваться существованием общих отрицательных моделей в обоих языках.

6) Делать какие-либо решительные выводы о происхождении монологативных конструкций в славянском языке только по данным славянских списков Евангелия достаточных оснований нет. Эта проблема может быть в значительной степени решена, для чего необходимо наряду с данными евангельских текстов учитывать и данные других памятников древнерусской и старорусской письменности, родственных славянских языков, а также данные современных русских говоров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Н. И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке славян.— ВЯ, 1961, № 1.
2. Мещерский Н. А. Древнеславянский — общий литературно-письменный язык на раннем этапе культурно-исторического развития всех славянских народов.— Вестник ЛГУ, 1975, № 8.
3. Воскресенский Г. А. Характеристические черты четырех редакций славянского перевода евангелия от Марка по ста двенадцати рукописям евангелия XI—XVI вв. М., 1896.
4. Вондрак В. Древнецерковнославянский синтаксис. Казань, 1915.
5. Ногалек К. Evangeliaře a čtveroevangelia. Praha, 1954.
6. Мещерский Н. А. О синтаксисе древнеславянских переводных произведений.— В кн.: Теория и критика перевода. Л., 1962, с. 83—103.
7. Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.
8. Верещагин Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971.
9. Арх. Амфилохий. Четвероевангелие Галичское 1144 г., исправленное по древним славянским памятникам, согласно греческому подлиннику, с изображениями. Т. I. М., 1882; Т. II. М., 1883.
10. Востоков А. Х. Остромирово евангелие 1056—1057 годов с приложением греческого текста евангелия с грамматическими объяснениями. СПб., 1843.
11. Ягич В. Зографское евангелие. Берлин, 1879.
12. Ягич И. В. Марийское четвероевангелие. С примечаниями и приложениями. СПб., 1883.
13. Щепкин В. Н. Памятники старославянского языка. I. Вып. 2. М., 1903.
14. Вайс Й., Курц Й. Ассеманиево евангелие. Т. II. Прага, 1955.
15. The Greek New Testament. Eds. Aland K., Black M., Metzger B., Wikgren A. Stuttgart, 1966.
16. Жуковская Л. П. Об объеме первой славянской книги, переведенной с греческого Кириллом и Мефодием.— В кн.: Вопросы славянского языкознания. Вып. 7. М., 1963, с. 73—81.
17. Жуковская Л. П. Рукописи полного апракоса милятинского класса.— В кн.: Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания. М., 1974, с. 29—61.

18. *Верещагин Е. М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972, с. 84—123.
19. Τῆς καινῆς διαθήκης ἀπαντα. Ἐν Ἀθήναις καὶ Κωνσταντινουπόλει, 1896.
20. *Соболевский С. И.* Древнегреческий язык. М., 1948, с. 350—352.
21. *Савельева Л. В.* Мононегативные и полинегативные конструкции в Изборнике 1076 г.— В кн.: История русского языка. Древнерусский период. Л., 1976, с. 146—156.
22. *Верещагин Е. М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. К проблеме греческо-славянских флексических и грамматических вариантов в древнейших славянских переводах: Доклад на VII Международном съезде славистов. М., 1972.
23. *Воскресенский Г. А.* Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из 108 рукописей евангелия XI—XVI вв. М., 1894.
24. *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
25. *Чернышев В. И.* Отрицание «не» в русском языке. Материалы для Словаря русского языка. Л., 1927.
26. *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. М., 1974, с. 403.
27. *Борковский В. И.* Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М., 1978, с. 319—345.